

赤い旋律



夜の満ち

赤い旋律 緯

絆

飛騨平谷かか

Мелодия
в алых
Тонах

UNAVI

UNAVI –
Мелодия в алых тонах

«Литнет»

2026

– U.

Мелодия в алых тонах / U. – — «Литнет», 2026

Литературная дорама о дерзкой художнице и парне, который не чувствует ничего... кроме музыки. Акане — девушка с острым языком, красным линером в пальцах и мечтой вырваться из сонного городка в большой мир. Она рисует злые эскизы, нарушает школьные правила и никому не позволяет заглянуть себе в душу. Нагиса — парень-невидимка из параллельного класса. Застёгнутая на все пуговицы форма, пустые глаза, вежливая улыбка. Он не умеет чувствовать, но когда его пальцы касаются клавиш, музыка разрывает тишину такой красотой, что трепещет сама душа. Одна случайная нота на школьном конкурсе — и её сердце забилося быстрее. Их дома стоят на разных берегах озера. Их миры — алый огонь и чёрно-белый лёд. Но что-то тонкое, хрупкое, как лепесток сакуры, упавший на воду, уже вспыхнуло между ними. Иногда достаточно одного мгновения, чтобы всё изменилось навсегда.

© – U., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	11
Глава 4	14
Глава 5	17
Глава 6	21
Глава 7	24
Глава 8	27
Глава 9	30
Глава 10	32
Глава 11	36
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Глава 1

В актовом зале стояла духота. Акане, сидевшая в третьем ряду, закинула ноги на соседнее сиденье и рисовала в блокноте красным линером резкие ломаные линии, похожие на изломанные ветки. Когда вокруг становилось слишком громко и скучно, она открывала блокнот и погружалась в узоры, рождавшиеся из-под стержня в её руках. Собственный контролируемый хаос дарил чувство покоя.

Конкурс талантов шёл своим чередом: ученики танцевали, пели и принимали вялые хлопки учителей. Девочка в пышном платье слишком сильно прижала микрофон к груди, и динамики отозвались резким скрежетом, от которого Акане передёрнула плечами и поморщилась. Она не любила эти мероприятия с первого класса: каждый год одно и то же — учителя с вымученными улыбками, родители с камерами и аплодисменты, которые ровным счётом ничего не значили. Старшеклассники на сцене воображали себя звёздами, остальные изнывали от скуки. Акане всегда досиживала до конца, не глядя по сторонам, и уходила.

А потом на сцену вышел парень из параллельного класса и сел за фортепиано. Акане почувствовала звук кожей, будто кто-то провёл смычком по позвоночнику, и только потом подняла глаза к сцене. Так бывает, когда долго сидишь в тишине, а затем в соседней комнате включается музыка: ещё не различаешь мелодии, но уже знаешь, что тишине пришёл конец.

Она присмотрелась к парню за инструментом, и его лицо показалось ей одновременно чужим и смутно знакомым, как лицо человека, которого сто раз видел в коридоре и ни разу не выделил из толпы. Девушка присмотрелась внимательнее: форма застёгнута на все пуговицы, плечи слегка сутулые, выющиеся волосы доходили до мочек ушей. Пальцы пианиста бережно скользили по клавишам, извлекая тонкую, пронзительную и горькую одновременно мелодию. Акане замерла с широко распахнутыми глазами, в которых отражались только этот странный парень и клавиши. Красный линер выпал из ослабевших пальцев и покатился по странице. Ей почудилось, будто души коснулся свет фонаря на тёмном причале: сначала он загорелся едва заметно, на грани видимости, а затем вспыхнул ярче, и весь дурацкий актовый зал отодвинулся на периферию. Всё кругом померкло, осталась только музыка и бледные длинные пальцы музыканта.

«Что за чёрт», — вяло, без привычной язвительности подумала Акане. Она продолжала всматриваться в пианиста, пытаясь найти подвох. Обычный парень, но когда он играл, картинка менялась: музыка лилась сквозь него, зарождала внутри девушки нежный трепет. Она пришла в себя, дрожащими пальцами подняла линер с пола. Первым желанием было швырнуть его в стену или зарисовать весь блокнот линиями его рук. Но ещё лучше — встать и уйти, потому что всё происходящее было неправильным. Но она, конечно, не ушла, досидела до последней ноты, до момента, когда он убрал руки с клавиш и тишина опустилась на зал, подобно занавесу. Раздались жидкие аплодисменты, с задних рядов донеслось сонное сопение.

Джунко сзади прошептала: «Скукота, да?» Акане не ответила, продолжая смотреть, как парень встаёт, механически, на манер заводной игрушки, кланяется и уходит за кулисы, не взглянув в зал. Он даже не проверил, смотрит ли на него хоть кто-то. Ему было всё равно, и от этого Акане стало нестерпимо грустно. Она опустила взгляд на блокнот и среди рваных линий и хаоса обнаружила новый рисунок. Девушка не смогла вспомнить, как нарисовала его. Посредине листа раскинулись клавиши фортепиано и лёгкие невесомые руки, будто тушь сама легла на бумагу, пока разум был занят музыкой. Акане захлопнула блокнот, сунула его в сумку, чувствуя смятение.

«Да что ты себе позволяешь, Акане? Ты дочь семьи Сато, с четырнадцати лет умеешь подавать чай и кланяться под правильным углом, а тут какой-то неприметный парень из парал-

лельного класса...» Но перед глазами по-прежнему стояли его пальцы и отрешённое лицо, которое теперь казалось красивее всего, что она видела в жизни.

— Акане, ты идёшь? — Джунко дёрнула её за рукав. — Обед через десять минут, а ты сидишь с таким лицом, будто призрак увидела.

— Иду, — бросила она, поднимаясь на негнувшихся, предательски дрожащих ногах. Она, плюющая на школьные правила, рисующая злые эскизы и мечтающая вырваться из этого сонного городишки в Токийский университет искусств, не имеет права дрожать из-за какого-то пианиста.

Оставшиеся уроки Акане отвечала на автомате, рисовала на полях конспектов ноты и дважды перепутала кабинеты. Учитель истории рассказывал про эпоху Эдо, а она смотрела на доску и видела только его пальцы на клавишах. Одноклассницы обсуждали выпускной, но у неё в ушах стояла единственная мелодия, засевшая в голове и не желавшая уходить. На большой перемене девушка пошла в дальний коридор, минуя столовую. Там находился старый музыкальный класс, про который почти все забыли: в нём стояло расстроенное пианино, и она слышала пару раз, как оттуда доносилась музыка, но никогда не придавала этому значения. Теперь же шла целенаправленно, сама не понимая зачем.

Дверь оказалась приоткрытой, Акане заглянула внутрь. Пианист сидел за инструментом, опустив руки на колени, и смотрел на клавиши так, как смотрят на старого друга. Солнечный свет из окна падал на его выющиеся волосы, и они блестели, как мокрый шёлк. Лицо парня оставалось неподвижным, но в этот момент Акане казалось, что оно выражает всё на свете.

«Кто же ты такой? — подумала девушка, впиваясь ногтями в дверной косяк. — Почему ты играешь так, будто внутри тебя пропасть, но снаружи полный штиль?»

Акане хотела войти к нему и отпустить какую-нибудь дерзкую шуточку вроде: «Эй, пианист, ты мне своей игрой эскиз испортил», но ноги не слушались девушку. Дерзость всегда выручала её в таких ситуациях, а сейчас привычная защита дала трещину. Акане молча наблюдала, как парень медленно, невесомо проводит кончиками пальцев по клавишам, не извлекая звуков. Он существовал сейчас в своём мире, где были только он и музыка.

Девушка отступила на шаг, захотелось убежать прочь. «Ну уж нет. Я не буду в это ввязываться». Чеканя шаг, она развернулась и пошла обратно. Спину держала прямой, подбородок вздёрнутым — идеальная дочь семьи Сато, помогали вбитые в голову годы тренировок по этикету. Однако под слоями цинизма и дерзости уже проросло крошечное семя, имя которому — Нагиса. Она узнает это позже, а сейчас этот парень с пустыми глазами перевернул её жизнь с ног на голову. Акане ещё не подозревала, что музыка — единственный язык, который он понимает, и что встреча с ней станет первой искрой в его бесцветном мире.

Глава 2



Добротный старый дом семьи Сато стоял на западном берегу озера. Тёмную черепичную крышу и деревянную веранду так густо оплетала глициния, что в мае невозможно было разглядеть окон. Дому перевалило за шестьдесят, он ещё помнил прадеда Акане, который собственноручно вырезал табличку с фамилией Сато на воротах. Теперь эту табличку каждое утро тщательно протирает дед: привычка осталась с тех времён, когда он служил инженером в «Тойоте» и проверял крепёж каждого станка, как проверяют сердцебиение у больного.

Дед получал хорошую пенсию. Отец работал старшим менеджером в «Панасоник», мать давала уроки икебаны и чайной церемонии. Этих денег семье хватало, чтобы жить так, как подобает уважаемому роду из тихого городка у озера.

Акане слово «подобает» ненавидела. Оно с детства сопровождало каждый её шаг: форме подобает быть без единой складки, спине подобает быть прямой, чашке подобает быть в нужной руке, а поклон подобает совершать под правильным углом. К четырнадцати годам она могла провести чайную церемонию с закрытыми глазами и ослепительной улыбкой, от которой у соседских старух выступали слёзы умиления. Но всё это было бутафорией.

В тот день Акане вернулась домой позже обычного: сначала болтала с Джунко и Шизукой в школьном дворе, а когда подруги разошлись, ещё полчаса просидела на скамейке возле озера, глядя в тёмную воду. Она хотела отвлечься, но перед глазами снова и снова всплывали тонкие пальцы, скользящие по клавишам. Акане отмахнулась от видения и вошла в дом.

— Тадайма, — бросила она в пустоту прихожей, сбрасывая туфли.

— Окаэри, — донёлся из кухни голос мамы. — Ты поздно, Акане, ужин через двадцать минут. Переоденься и загляни к деду, он сегодня спрашивал о тебе.

Акане хмыкнула. Единственное, ради чего она возвращалась в этот дом без внутреннего содрогания, это дед. Девушка быстро поднялась на второй этаж, в свою маленькую комнату, залитую светом. Здесь «подобает» отключалось, как выдернутый из розетки шнур. Она вырвала из тетрадки свежий эскиз и повесила на стену к остальным: чёрно-красным наброскам, портретам, пейзажам озера, силуэтам незнакомцев, встреченных на улице и дорисованных по памяти. На столе громоздилась россыпь из линеров, ручек, скомканных блокнотных листов. Мать заходила к Акане редко и каждый раз недовольно поджимала губы: «Почему у тебя вечно такой беспорядок? Что скажут люди?» Родителей неизменно волновало: что скажут люди.

Акане переоделась в домашнее, схватила со стола свежий блокнот и спустилась вниз, минуя гостиную с неизменной икебаной на токономе. Мать меняла композицию каждую неделю. Девушка выскользнула через заднюю дверь в небольшой, но тщательно ухоженный сад. Его украшали замшелые крупные камни, древняя карликовая сосна, крошечный пруд с золотыми карпами, аккуратные, подстриженные дедом кусты. В дальнем углу, под старой сакурой, стояла маленькая беседка с семейным алтарём — буцуданом. Дед проводил там каждый вечер, протирая фотографии предков и таблички с именами, заменяя подношения. Сухонький, с редкими седыми волосами и морщинистым лицом, на котором время оставило больше доброты, чем строгости, сложив руки на коленях, он сидел на деревянной скамейке перед алтарём.

— Ты сегодня поздно, Акане, — произнёс дед, не оборачиваясь.

— Дед, у тебя глаза на затылке?

— У меня есть уши, а ты топаешь как самурай, слышно за три комнаты.

Акане фыркнула и села рядом. С ним можно было разговаривать, не подбирая слов. Может, потому что дед сам когда-то бунтовал: бросил семейное дело ради инженерии, уехал в Токио и влюбился в медсестру. Правда, потом всё равно вернулся в этот город, но бунт ему простили.

— Как прошёл конкурс? — спросил он.

— Скучотища. — Она немного помолчала, затем добавила: — Кроме одного момента.

— Какого момента?

— Один парень играл на фортепиано, и я слушала музыку душой, а не ушами. Ты понимаешь?

Дед покосился на внучку и хитро улыбнулся.

— Значит, не зря сходила.

Акане хотела поспорить, но вместо этого открыла блокнот и начала рисовать. Дед молчал рядом, он никогда не спрашивал, что она рисует, и не говорил, что это несерьёзно.

Ужин давно стал ритуалом, в котором каждому отводилось своё место. Стройная, изящная мать в безупречном кимоно, которое носила даже дома, следила, чтобы все ели правильно. Дед молча жевал рис и думал о своём. Акане смотрела в тарелку и мечтала, чтобы этот ужин закончился как можно быстрее. Но не в этот раз.

— Акане, — отец наконец отложил телефон на край стола и поднял на девушку глаза. — Я говорил с господином Танакой из отдела кадров, у них открыта стажировка для выпускников. Я попросил записать тебя на собеседование.

Девушка сжала палочки в руке и подняла взгляд на внушительную фигуру отца.

— Ты серьёзно?

— Вполне. «Панасоник» — стабильная компания. Начнёшь с административной должности, через пару лет дорастёшь до менеджера. Это именно то, что нам нужно.

Акане медленно положила палочки на край тарелки.

— Отец, я не хочу в «Панасоник». Я хочу в Токийский университет искусств, тысячу раз говорила.

Высокий мужчина с тяжёлым поджатым подбородком посмотрел на дочь.

— Художественный колледж? — он произнёс фразу так, будто речь шла о цирковом училище. — И что же ты собираешься там делать? Картинки рисовать? На это не прожить, пора научиться думать о будущем.

— Я о своём будущем и думаю, — угрожающе тихо ответила Акане.

Мать нервно втянула воздух, чайник в её руках накренился, капля кипятка шлёпнулась на скатерть, растеклась тёмным пятном. Дед поднёс чашку к губам да так и замер с приподнятым доннышком. Акане перехватила его весёлый взгляд поверх ободка, и ей стало чуточку легче. Отец стукнул ладонью по столу.

— Разговор окончен. Собеседование во вторник, твоего мнения я не спрашиваю.

Акане встала. Одернула форменную юбку, глядя вперёд, шла, считая шаги до двери. В коридоре ускорила шаг, побежала в свою комнату вверх по лестнице. Плотно прикрыла створку двери, упала лицом в подушку и глухо заорала в ткань, пока не засадило горло.

«Да что ты знаешь обо мне? — билось в голове. — Что ты вообще знаешь?»

Девушка рывком села, выдернула из кучи на столе потрёпанный блокнот. Первым делом Акане набросала пустое лицо. Потом чёрные, красные и снова чёрные клавиши. Она перерисовывала пианиста снова и снова, будто пыталась процарапать в памяти дыру или, наоборот, намертво вбить этот момент в память. Рисование стало её спасением лет с пяти, когда она впервые схватила фломастеры и разрисовала стену в гостиной. Отец тогда жутко кричал, а дед подошёл, присмотрелся, склонил голову к плечу и тихо сказал: «Зато смотри, как красиво вышло». С тех пор она рисовала всегда. Родители считали это детским увлечением, которое со временем пройдёт, но оно не прошло, став для девушки отдушиной. Им было всё равно. Глядя на каждый рисунок, сделанный для школьного конкурса, мать отвечала: «Хорошо, дочка». На каждое упоминание художественного колледжа отец повторял: «Выбери нормальную профессию». Родители не желали видеть её работ, и Акане давно перестала им показывать.

Следующим утром девушка встретила с подругами на школьном дворе. Круглолицая толстушка Джунко принесла домашние моти и щедро ими делилась.

— Тебя вчера не было в столовой, — заметила она, набивая рот. — Опять рисовала?

— Типа того.

— Она смотрела на пианиста, — тихо встала Шизука, невысокая девочка с мышиным голосом и огромными очками на пол-лица. Она осеклась и тут же покраснела, будто сказала что-то неприличное.

Акане поперхнулась.

— Чего? Ничего я не смотрела!

— Смотрела, — подтвердила Джунко, жуя. — Я сидела сзади и всё видела. Ты даже рот приоткрыла, прямо как героиня дорамы при виде главного героя.

— Я вам сейчас обеим клоуна на лбу нарисую, — мрачно пообещала Акане.

Джунко расхохоталась, Шизука спрятала улыбку за воротником.

— Кстати, знаешь, как его зовут? — прищуриваясь, спросила Джунко. — Я спросила у Харуки из его класса. Его зовут Нагиса. Говорят, странный, ни с кем не дружит и у него какие-то проблемы с общением.

Имя Нагиса означало берег, место, где земля встречается с кромкой воды. Акане повторяла его про себя снова и снова, и с каждым повтором в груди разрасталось тепло, которому она не могла найти объяснения. Она наконец поняла, на что похожа игра Нагисы: его музыка напоминала океан.

— Эй, Акане, ты куда? — растерянно крикнула Джунко вслед внезапно поднявшейся подруге.

Но Акане уже шла через школьный двор к музыкальному классу, не понимая почему. Ей нужно было увидеть его снова, хотя бы краешком глаза, через приоткрытую дверь.

Глава 3

渚
たさノ

Nagisa (渚) — “Water’s

Age: 18

Height: 176 cm

Character: Alexithymic, distant,
observant, mimics
music is his language



Дом семьи Такахаси стоял на восточном берегу. Такую же бетонную коробку, как у них, имел каждый второй сосед по улице — застройка девяностых, ипотека до сих пор висела на отце. Перед входом из сухой земли торчали два дерева, посаженные ещё прошлыми жильцами. Шторы мать не признавала, говорила, что от них одна пыль, и повесила на все окна практичные жалюзи. Нагиса вошёл в прихожую и сбросил кеды у порога.

— Тадайма.

Из гостиной доносился шум телевизора, записанный смех поверх чьих-то голосов. Мать гремела посудой на кухне. Отец, судя по скрипу старого кресла, развалился перед экраном и не собирался вставать. Никто не обернулся на голос Нагисы, и он не ждал, что обернутся. Когда-то мать ещё пыталась: водила его по врачам — психологам, неврологам, терапевтам, всем подряд. Заполняла бесконечные опросники: оцените по шкале от одного до десяти, насколько ребёнок общителен, эмоционален, нормален. Нагиса запомнил светлые кабинеты, запах лекарств и тётю в очках, которая показывала ему карточки с нарисованными лицами.

— Что чувствует этот мальчик? А эта девочка?

Он не знал. Разглядывал улыбки, слёзы, нахмуренные брови и не чувствовал ничего — просто линии на бумаге. Со временем он научился угадывать правильные ответы по форме рта и положению бровей, как заучивают таблицу умножения. Чувствам он так и не научился. В десять лет врачи вынесли вердикт: полная врождённая алекситимия. Неспособность распознавать эмоции. Не лечится, но корректируется, нужны занятия, терапия, внимание. Родителей хватило года на два, от силы на три. Потом родился младший брат, обычный громкий младенец, который смеялся, плакал и тянул ручки. Нагиса стал невидимкой. Не со зла, просто родители устали и махнули рукой: не буянит, не хулиганит, учится средне, и ладно.

— Ты какой-то странный, Нагиса, — сказала мать, когда ему было двенадцать. — Неужели тебе совсем ничего не интересно?

Он промолчал. Интересно ему было, но как это объяснить словами, он не знал. Любовь к музыке началась со старой отцовской магнитолы, которую он собирался выбросить. Восьмилетний Нагиса подобрал её, унёс в комнату, включил. Внутри оказался забытый кем-то диск со сборником классики. Нагиса нажал кнопку, из дребезжащих динамиков полилась чарующая музыка. Звук ударил прямо в грудь и зазвенел внутри, как тугая струна, о существовании которой сам мальчик раньше не подозревал. Нагиса слушал найденный диск часами, на протяжении многих недель. Мальчик отматывал понравившиеся фрагменты назад и прислушивался к их звучанию, будто хотел разобрать мелодию по нотам: «Как это устроено? Почему один звук отзывается так, а следующий иначе?» Различать эмоции Нагиса не умел, но научился слышать математику, архитектуру звука.

Потом Нагиса начал мастерить простенькие инструменты. Первый соорудил из обувной коробки и резинок, вышла примитивная лира. Он натягивал резинки разной толщины и слушал, как меняется тон. За лирой последовали барабаны из кухонных кастрюль, затем флейта из бамбуковой палки, которую мальчик подобрал у озера. Родители смотрели на это с недоумением, отец всякий раз бросал: «Лучше бы ты уроки делал». В четырнадцать лет Нагиса впервые обратился к родителям с серьёзной просьбой.

— Подарите мне фортепиано.

Мать с отцом переглянулись.

— Это дорого.

— Я не прошу новое.

Через неделю отец привёз старенькую «Ямаху» с трещиной на крышке. Инструмент продавала семья, в которой ребёнок бросил музыкальную школу. Приглашённый настройщик покачал головой: «Для учёбы сгодится, не больше».

В музыкальную школу Нагиса не ходил, учился сам: по роликам в интернете, самоучителям, подбирая мелодии на слух. Сначала парень освоил гаммы, потом взялся за простые пьесы,

а следом получились и сложные. Он скользил пальцами по клавишам так легко, будто родился со знанием, куда нужно нажимать. К пятнадцати он уже играл Баха, к шестнадцати перешёл на Листа, а к семнадцати сочинил свою первую композицию. Новый навык дарил чувство контроля. Нагиса жил по-настоящему, когда прикасался к клавишам. Школа отнимала время на предметы, которые не имели к музыке никакого отношения. Если бы он мог, то бросил бы учёбу и целыми днями играл. Примерно за месяц до выпускного классный руководитель спросил:

— Куда планируешь поступать, Нагиса?

— В Токийский университет искусств.

Учитель удивлённо поднял брови:

— Серьёзно? Это одно из самых престижных мест в стране. Ты уверен?

— Уверен.

Нагиса уверен не был, но не переживал за поступление, ему было всё равно на престиж. С тем же успехом он мог сказать «в консерваторию» или «в музыкальное училище», главное, чтобы учили музыке. Когда Нагиса заявил родителям о поступлении, они отреагировали как обычно.

— Музыка? — отец хмыкнул. — Ну, если тебе нравится...

— Лишь бы поступил хоть куда-нибудь, — добавила мать.

Родителям было всё равно, и Нагису это устраивало. Отец не сказал «это глупо», «найди нормальную профессию». Закончив композицию, парень перестал играть и убрал руки с клавиш. За окном чернилами разлилось озеро, на другом берегу горел крошечный одинокий огонёк в незнакомом окне. Нагиса ещё не знал, что за тем окном стоит девушка, которая, услышав его игру, не смогла остаться прежней и тоже смотрит на воду. Девушка, что рисовала его руки в своём блокноте. Он опустил пальцы на клавиши и начал сочинять новую медленную, с минорными переходами мелодию. Она напоминала ему тишину над озером.

Глава 4

Утро началось с математики. Акане заранее знала: на этом уроке она будет рисовать. Учитель Танака у доски выводил квадратичные функции, его голос монотонно гудел, как старый кондиционер. Она открыла блокнот на чистой странице. Красный линер скользнул по бумаге, оставляя ломкие угловатые линии. Тени и мягкие переходы она не признавала, зато чистый контур оттачивала до предела. Сначала на странице изогнулся дракон с гребнем во всю спину, рядом проступила маска злого духа.

— Сато.

Голос учителя разрезал тишину. Двадцать пар глаз обернулись к ней, кто-то с задней парты хрюкнул от смеха. Учитель выразительно посмотрел на её блокнот.

— Может, решите задачу у доски?

Акане поднялась, взяла мел и решила задачу за минуту. Вернувшись на место, она провела пальцем по странице блокнота: линер ещё был влажным. Джунко с задней парты показала большой палец, Акане фыркнула и перевернула страницу.

На большой перемене девочки втроём выбрались во двор. Джунко, как обычно, притащила контейнер с бенто и тут же начала раскладывать карааге. Шизука развернула онигири и принялась есть, аккуратно откусывая по кусочку. Акане ковыряла палочками обед, собранный матерью ещё затемно, и смотрела в сторону ворот.

— Слушай, — Джунко прожевала и прищурилась, — этот пианист, Нагиса... Харука говорит, он совсем странный, ни с кем не дружит.

— Может, ему друзья и не нужны, — тихо сказала Шизука.

Акане не ответила. Нагиса сидел на том же месте, что и вчера: на перилах, одну ногу закинув на перекладину, вторая болталась. В руках он держал толстую книгу с закладками. Солнце путалось в его волосах, ветер трогал страницы, и он придерживал их пальцем. Акане вытащила блокнот.

— О, опять, — хмыкнула Джунко.

Акане её не слышала. Она рисовала перила, согнутую спину, пальцы на странице, свет в волосах.

— Готово, — она развернула блокнот.

Джунко присвистнула. Шизука заглянула через плечо и тихо охнула. Акане захлопнула блокнот и до конца перемены больше не смотрела в ту сторону.

Вечером Акане возвращалась домой одна. Уроки закончились, но она задержалась в библиотеке над каталогом Токийского университета искусств, за чтением рисуя на полях конспектов. Отец бы этого не одобрил, ну и пусть. Солнце клонилось к закату, окрашивая озеро алым и золотым цветом. Она шла по тропинке вдоль берега, пинала камешки, когда заметила фигуру у воды. Нагиса стоял там, где дорожка расходилась надвое: левая тропа на западный берег, правая на восточный. Стоял спиной к ней, руки в карманах, плечи расслаблены. Он долго и неподвижно смотрел на воду. «Пройди мимо, — сказала она себе. — Он даже не заметит. Ему всё равно». Но ноги уже несли её вперёд. Она остановилась в двух шагах от него.

— Что ты там увидел? — спросила она.

Нагиса медленно повернул голову. Посмотрел на неё без всякого выражения.

— Воду. И небо. Вода отражает небо, поэтому синяя. Наверное, это красиво.

— «Наверное»?

— Она вскинула бровь. — Ты не уверен?

— Я не знаю, что такое «красиво». Мне объяснили, что это слово используют, когда что-то приятно глазу. Мне, кажется, приятно.

Акане уставилась на него. Парень говорил спокойно и буднично, как о погоде. «Я не знаю, что такое красиво». В голове не укладывалось.

— Ты всегда так разговариваешь? — спросила она.

— Как?

— Как робот.

Он на секунду задумался.

— Меня так называли в начальной школе. Я не робот, просто не понимаю, что люди имеют в виду, когда говорят о чувствах.

Акане помолчала. Она не знала, как на это реагировать.

— Я живу на этом берегу, — сказала она вдруг и кивнула на левую тропинку. — В доме с глицинией. С родителями и дедом, который говорит, что я топаю, как самурай.

Нагиса проследил за её взглядом.

— Я живу на другом. На восточном берегу, у нас не растёт глициния, да и сада нет.

— Совсем ничего не растёт?

— Совсем. Зачем они?

Акане фыркнула, громко и неожиданно для себя, тут же прикусив губу.

— Это забавно, — сказала она.

— Что именно?

— Ты с восточного берега. Я с западного. Встретились там, где дорога расходится на две стороны. Выходит, мы стоим на развилке.

Она замолчала, и Нагиса посмотрел на неё пристальнее, чем минуту назад.

— Это метафора? — спросил он.

Акане моргнула.

— Что?

— То, что ты сказала. «Мы стоим на развилке». Это метафора?

Девушка открыла, потом закрыла рот и легко, искренне, без привычной колкости рассмеялась.

— Вообще-то нет, — сказала она всё ещё улыбаясь. — Я в прямом смысле. Но если хочешь, считай метафорой.

— Я не умею говорить метафорами. Но запомню: развилка, что делит озеро на запад и восток.

Ветер коснулся воды, и по озеру побежала рябь. Акане смотрела на его спокойное бледное лицо, на прядь волос, упавшую на глаза.

— Ты странный, Нагиса, — сказала она. Это прозвучало не как оскорбление.

— Я знаю.

— Я не закончила. Ты странный. Но, наверное, это не так уж плохо.

Он наклонил голову набок.

— Ты тоже странная, Акане.

— Я? — Она вскинула бровь. — С чего ты взял?

— Ты заговорила со мной. Обычно люди не заговаривают. Особенно такие, как ты.

— «Такие, как я» — это какие?

Он посмотрел на неё долгим, спокойным взглядом.

— Громкие.

Акане поперхнулась воздухом.

— Это я громкая?!

— У тебя громкий голос. Громкая походка.

Она изо всех сил сдерживала гнев.

— Это плохо?

— Нет, — ответил он. — Я тоже иногда играю громко. Но не для всех композиций это подходит. — Он на секунду замолчал и добавил: — Мне пора.

Акане не двинулась с места.

— Мне тоже, — сказала она и тоже осталась стоять.

Акане перевела взгляд на левую тропинку. За деревьями прятался дом с глицинией, а внутри ждали буцудан и отец, который завтра снова заговорит про «Панасоник». Она посмотрела на правую — там темнела бетонная коробка, и сада возле неё не было.

— Завтра я снова здесь пройду, — сказала она. — В это же время. Можешь подождать меня, если хочешь.

Он помолчал.

— Хорошо.

Акане развернулась и пошла по левой тропинке. Шагала с прямой спиной, но на губах уже проступала улыбка — из тех, что мать называла неподобающими. У дома она остановилась и достала блокнот. На утреннем наброске, где Нагиса сидел на перилах, она пририсовала озеро, развилку и две тропинки. Внизу красным линером вывела: «Завтра».

Глава 5

На следующий день Акане поймала себя на том, что считает минуты до конца уроков. Она никогда не ждала окончания школы — наоборот, обычно задерживалась в библиотеке или сидела с Джунко и Шизукой во дворе, пока охранник не выгонял их за ворота. А теперь то и дело поглядывала на часы, чьи стрелки ползли как сонные улитки.

— Ты какая-то дёрганная сегодня, — заметила Джунко на перемене, с хрустом разгрызая сэмбэй. — Опять думаешь о своём пианисте?

— Ни о ком я не думаю, — отрезала Акане, но уши залило краской.

Джунко переглянулась с Шизукой, и обе понимающе улыбнулись. Акане сделала вид, что не заметила. Когда последний звонок наконец прозвенел, она вылетела из класса первой и понеслась по коридору, одёргивая себя: «Не спеши, дура, он же не сбежит». Ноги сами несли её к выходу. Нагиса стоял на том же месте, у развилки, засунув руки в карманы и глядя на воду, как будто и не уходил со вчерашнего дня. Ветер сегодня был теплее, и озеро отливало яркой синевой.

— Привет, — сказала Акане, подходя к берегу.

— Привет, — отозвался он, поворачиваясь.

И вдруг она поняла, что не знает, что делать дальше. Вчерашняя дерзость испарилась, она стояла перед ним со своим блокнотом и молчала. Нагиса посмотрел на неё, затем перевёл взгляд на траву.

— Не очень удобно долго стоять, — сказал он. — Можно сесть, если хочешь.

— Сесть? Куда?

Он снял с плеча школьный портфель и положил его на берег, у самой воды. Потом выжидающе посмотрел на девушку. Акане хмыкнула и бросила свой портфель рядом. Они сели. Вода плескалась так близко, что можно было дотянуться рукой. Закатное солнце рассыпало по поверхности золотые отблески, в реке плескалась рыба, пахло тиной и скошенной травой.

— Тут красиво, — сказала Акане.

— Да, — ответил он. — Я так и думал.

Она покосилась на него. Он сидел, обхватив колени руками, и смотрел на воду. Выющиеся волосы падали на глаза, но он не поправлял их.

— Я хотела тебе сказать, — начала она и запнулась. — Там, на конкурсе. Я слушала тебя, и это было потрясающе. Серьёзно. Я никогда не слышала ничего подобного.

Он повернул голову и уставился на неё своими спокойными глазами.

— Спасибо, — отозвался Нагиса. — Я старался передать структуру так, чтобы каждая нота стояла на своём месте.

— Структуру? — Акане нахмурилась. — Музыку обычно чувствуют, а не собирают.

— Я не знаю, что такое чувствовать, поэтому работаю с тем, что понимаю: со структурой, ритмом и гармонией. Это в прямом смысле математика для ушей.

Акане не смогла представить, что значит ничего не чувствовать, ведь в ней самой порой набиралось столько чувств, что хватило бы на нескольких человек. Она достала из сумки блокнот и протянула парню:

— Вот, посмотри. Это я рисовала.

Нагиса взял блокнот, открыл первую страницу и начал медленно перебирать остальные. Пальцами он ощупывал каждую страницу, взгляд парня скользил по линиям с таким вниманием, будто перед ним предстало зашифрованное послание. Акане терпеливо ждала.

— Здесь у тебя очень точная анатомия, — указал Нагиса на набросок человека. — Линия сухожилий идёт правильно, и тени легли грамотно. Ты использовала перекрёстную штриховку?

Она удивлённо моргнула, обычно люди реагировали на зарисовки по-другому.

— Да, перекрёстную.

— Вышло хорошо. — Он перевернул страницу. — А вот тут интересная композиция: ты специально сместила центр вправо?

— Специально, чтобы осталось пространство для взгляда.

— Правильно. И ещё вот эта линия, — он провёл пальцем над бумагой, не касаясь рисунка, — она как будто продолжает двигаться, даже когда смотришь на неё.

Акане слушала и искренне улыбалась. Он не говорил стандартных «потрясающе» или «у меня нет слов». Он разбирал её рисунки, так же как она сама: обращал внимание на линии, тени, детали.

— Тебе правда нравится? — уточнила девушка.

— Я не знаю, что такое «нравится». Но от этих эскизов на душе становится спокойнее, как когда я играю Баха.

Он поднял на девушку глаза.

— Ты хорошо рисуешь. Я уже понял, что значит «хорошо».

— Спасибо, — прошептала Акане.

Он закрыл блокнот и вернул ей. Акане заметила, что дольше остального он задержался на странице, где она нарисовала его на перилах с книгой.

— Ты играешь только классику? — спросила она, убирая блокнот в сумку.

— В основном, но ещё сочиняю своё.

— Серьёзно? И что же именно? — Акане подалась вперёд.

— Разное, — Нагиса помолчал. — Вчера дописал про озеро, получилась медленная, с минорными переходами композиция. А про тебя я написал мелодию в красных тонах.

— В красных? — переспросила Акане. — Но как музыка может иметь цвет? Её же не увидеть.

— Не увидеть, — согласился он. — Но ты вчера сказала, что живёшь на западном берегу, а на западе закат, и закат красный, вот я и попробовал изобразить цвет музыкой. Получилось дерзко, громко, местами резко, как ты.

Акане смотрела на него, и до неё постепенно доходило: он сочинил музыку про неё. Не про закат, не про озеро — про неё.

— Ты сочинил мелодию про меня?

— И про закат тоже, — добавил Нагиса. — Ты стала для меня частью заката вчера, когда ушла по левой тропинке.

Акане ничего не ответила. Они сидели и смотрели, как солнце опускается за горизонт, а от деревьев по воде побежали длинные тени.

— Нагиса, — осторожно позвала Акане, — можно спросить про твою особенность, о которой все говорят? У тебя правда алекситимия?

Нагиса помолчал и заговорил, так же спокойно, как всегда:

— Правда. Это врождённая неспособность идентифицировать и вербализировать эмоции. С греческого переводится как «нет слов для чувств». У меня полная форма. Я не распознаю эмоции у себя и с трудом у других, но когнитивные функции сохранены, я могу анализировать ситуацию и делать выводы. Я знаю, что люди улыбаются, когда радуются, и улыбаюсь, когда это уместно, но это не значит, что я радуюсь, просто следую алгоритму.

Он говорил это буднично, будто зачитывал статью из учебника. Акане слушала, и ей делалось грустно.

— Тебя часто спрашивают об этом? — тихо спросила она.

— Да. Обычно люди пугаются или начинают жалеть, часто перестают общаться, это нормально.

— Нормально? — она вскинула бровь. — По-твоему, нормально, что люди перестают с тобой общаться из-за того, что ты другой?

— Это статистика, мне не обидно. Я не знаю, что такое «обидно».

Акане сжала кулаки, ей вдруг захотелось найти всех, кто переставал с ним общаться, и надавать им по голове её портфелем.

— А мне обидно, — сказала она жёстко. — За тебя, хотя ты и не просил.

Нагиса посмотрел на неё долгим взглядом, и в его тёмных глазах мелькнуло выражение, которому он сам не мог подобрать названия.

— Ты странная, Акане.

— Ты уже говорил.

— Повторяю, потому что это факт.

Она фыркнула.

— Ладно, робот. Скажи тогда: если ты не чувствуешь, зачем ты вообще сочиняешь музыку и для кого?

Нагиса надолго задумался, а когда заговорил, голос его звучал так же ровно, как прежде.

— В мире много хаоса: люди кричат, суетятся, чего-то хотят, а я этого не понимаю. Музыка логична, у неё есть структура. Когда я играю, хаос исчезает, остаётся только звук, и в этом звуке я существую по-настоящему, мне не нужно ничего изображать.

— Значит, музыка для тебя — как для меня рисование, — сказала Акане. — Я рисую с пяти лет: когда злюсь — рисую, когда больно — рисую, когда не могу ничего сказать — рисую. Бумага выдерживает всё.

— Бумага выдерживает всё, — повторил он. — Хорошая фраза, я запомню.

Акане улыбнулась.

— Знаешь, если бы тебе сказали выбрать, что важнее — музыка или всё остальное, что бы ты выбрал?

— Музыку.

— А учёбу, университет?

— Музыку, остальное — шум и суета.

— А если бы тебе сказали, что музыка — это несерьёзно, что на ней не заработать, что это для души, а для жизни нужно что-то нормальное?

Нагиса повернулся к ней.

— Мне это говорили много раз, но я не понимаю, что такое «нормальное». Для меня нормальное — это когда я играю, а всё остальное — отклонение от нормы.

Акане в голос, не сдерживаясь, расхохоталась. Он смотрел на неё, чуть склонив голову набок, и в его взгляде читалось лёгкое недоумение.

— Ты чего?

— Ничего. Просто ты первый человек, который говорит то же, что и я, только я так отстаиваю рисование.

— Значит, мы оба ненормальные, — заключил он.

— Выходит, так.

Они замолчали, тишина была тёплой и уютной, как старый плед. Акане подтянула колени к груди и обхватила их руками.

— Хочешь, я тебя нарисую? — спросила она вдруг.

— Сейчас?

— Нет, через сто лет. Конечно, сейчас. Сиди и смотри на воду, ты это хорошо умеешь.

Он кивнул и отвернулся к озеру. Акане открыла блокнот, взяла красный линер и начала рисовать. Инструмент скользил по бумаге быстро, легко. Сначала появился его профиль, вьющиеся волосы, затем пальцы, лежащие на коленях, и наконец закатный свет, что играл на скулах.

— У тебя очень правильный нос, — заметила она, продолжая рисовать.

— Спасибо, я его не выбирал.

— А зря, выбрал бы покороче.

— Зачем?

— Это шутка, Нагиса.

— А, — он помолчал, — я не всегда понимаю шутки.

— Ничего страшного, буду предупреждать.

Она нанесла последний штрих и повернула блокнот к нему.

— Готово, смотри.

Нагиса взял блокнот и долго разглядывал рисунок, потом перевёл взгляд на неё.

— Это я?

— Призрак озера. Конечно, ты.

— У меня действительно такой нос?

— Я же говорю — правильный.

Он ещё раз посмотрел на рисунок, и уголок его губ дрогнул вверх, едва заметно, буквально на миллиметр. Акане не была уверена, что ей не показалось.

— Спасибо. Можно я заберу его себе?

— Можно, это подарок.

Он аккуратно вырвал страницу и сложил в карман формы. Акане смотрела на свои пальцы, перепачканные красным линером, и кожу на плечах грело закатное солнце.

— Мне пора, — сказала она, хотя никуда не хотелось. — Отец будет недоволен, что я опять задержалась.

— Мне тоже пора, — ответил он. — Мать не будет недовольна, но ужин по расписанию, а я голоден.

— У вас всё по расписанию?

— Да, это удобно, никаких неожиданностей.

— Скукотища, — хмыкнула Акане, поднимаясь и отряхивая юбку. — Но тебе, наверное, подходит.

— Подходит, — согласился он.

Они постояли ещё минуту на развилке, где левая тропинка вела на запад, а правая — на восток.

— Завтра увидимся? — спросила она.

— Давай, — кивнул он.

Они разошлись по тропинкам в разные стороны. Акане вдыхала нагретый за день воздух, в котором ещё остался запах воды и свежей травы. На середине пути она поняла, что не сказала ему самую важную вещь: «Когда ты играешь, я чувствую за нас обоих». Она скажет это завтра, времени у них достаточно, впереди целое лето. А дальше, возможно, Токийский университет искусств, для них обоих.

Глава 6

На следующий день Акане пришла к развилке первой. Она сидела на портфеле, скрестив ноги и подперев кулаком подбородок. Девушка смотрела на озеро, солнце только начало клониться к закату, гладкой, блестящей поверхности касались первые розовые лучи. В безветрии всё вокруг казалось неподвижным. Раньше она не ждала даже Джунко и Шизуку, сразу уходила, если они задерживались. А теперь сидела и выжидаяще глядела на правую тропинку, сжимая в пальцах блокнот. Нагиса появился в то же время, что и вчера. Шёл неспешно, засунув руки в карманы, и его выющиеся волосы подпрыгивали в такт шагам. Увидев её, он кивнул, как старой знакомой, и уселся рядом.

— Ты рано.

— Я не рано, просто ты не опаздываешь.

— Я всегда прихожу в одно и то же время.

— Как поезд.

— У поездов бывают задержки, у меня нет.

Акане фыркнула и открыла было блокнот, но потом передумала, повернувшись к парню.

— Слушай, робот. У меня к тебе серьёзный вопрос.

— Задавай.

— Как у тебя с оценками?

Нагиса сунул руку в портфель, вытащил небольшую книжечку в мягкой обложке и протянул девушке. В школьный ежедневник записывали домашние задания, расписание и заметки от классного руководителя.

— Держи.

Акане недоверчиво посмотрела на него, потом на дневник.

— Ты так просто отдаёшь мне свой дневник?

— Ты спросила про оценки, они в дневнике. Что не так?

— Большинство людей на твоём месте спросили бы: «А зачем тебе?»

— Мне неинтересно, зачем тебе. Тебе нужна информация, я её даю.

Девушка покачала головой, открыла дневник и просмотрела страницу с оценками.

— Нагиса, у тебя тройки по всем предметам, кроме музыки, там пятёрка с плюсом. Даже по физкультуре тройка, и по математике тройка. Как? Ты же сам математику с музыкой сравнивал.

— Я так сказал, чтобы тебе было понятнее, как я вижу мелодии. Вообще-то математику я понимаю.

— Тогда почему не учишь?

— Учитель преподаёт скучно, я не слушаю. А учебник не читаю, потому что там слишком много лишнего текста, и главная мысль теряется. Учебники пишут люди, которые не умеют объяснять. Они думают, что если написать «очевидно, что» перед формулой, то она станет понятнее, но это не так.

Акане захлопнула дневник и вернула парню.

— Нагиса, ты вообще в курсе, что для поступления в университет нужны хорошие оценки?

— В какой университет?

— В Токийский университет искусств, куда, насколько я знаю, ты собрался поступать.

Он пожал плечами:

— Я не думал об этом. Мне всё равно, где учиться, лишь бы там учили музыке.

Акане отложила блокнот и села к нему лицом.

— То есть тебе без разницы, поступишь ты или нет?

— Да.

— И где ты будешь через год, тебе тоже без разницы?

— Да.

— И что я уеду в Токио, тебе тоже без разницы?

Он смотрел на неё всё так же спокойно, но ответ прозвучал не сразу.

— Ты уедешь в Токио? — переспросил он.

— Да! Я уеду в Токио! Я поступлю в художественный колледж и уеду из этого города, потому что здесь мне тесно, душно и скучно. Я думала, ты тоже хочешь в Токио. Мы могли бы...

Она осеклась. Нагиса молчал, разглядывая Акане, и тишина между ними затянулась дольше, чем обычно.

— Я не знал, что ты уедешь, — произнёс он наконец. — Ты не говорила.

— А ты и не спрашивал.

— Я никогда не спрашиваю, жду, когда скажут сами.

— Ну так я говорю: я уеду в Токио. И если ты хочешь тоже, то тебе придётся подтянуть оценки, понял?

— Понял, это логично. Если ты уедешь, а я останусь, то мы больше не будем видеться.

Акане отвела глаза к воде.

— Поэтому мы и начнём с математики. Скучная, зато в ней всё чётко, как ты любишь, — спустя мгновение Акане выудила из портфеля учебник и раскрыла примерно посередине. — Вы сейчас проходите тригонометрию?

— Вроде того, но я не уверен.

— Тогда давай посмотрим прямо на график, — девушка указала пальцем на нужную страницу, парень наклонился ниже, разглядывая рисунок.

Он прочертил взглядом линии, а следом произнёс:

— Период два пи, амплитуда единица. Добавишь коэффициент — амплитуда изменится, добавишь слагаемое — график сдвинется.

Акане перевела ошарашенный взгляд с учебника на Нагису.

— Ты же говорил, что не слушаешь учителя.

— Я и не слушаю. Сейчас посмотрел на пример и всё стало понятно. Тригонометрия напоминает музыку, только в музыке сумма гармоник, а тут синус.

— То есть ты только что выучил тему за полминуты?

— Ну да.

Она прищурилась и протяжно хмыкнула, потом захлопнула учебник и поднялась, отряхивая юбку.

— Тогда решай сам, раз такой умный.

Нагиса посмотрел на неё снизу вверх.

— Ты больше не хочешь мне читать?

— А надо? Ты же всё и так понял.

— Я очень хочу, чтобы ты читала. Такого раньше не случалось.

Акане крепче сжала учебник в руках, потом медленно опустила обратно на портфель и раскрыла нужную страницу. Солнце уже садилось, и вода в озере окрасилась в красный, что напоминал чернила в линере девушки. Нагиса взял карандаш и, не глядя в тетрадь, принялся решать задачи. Акане размеренно читала теорию вслух. Когда он закончил решать примеры, девушка заглянула в тетрадь. Нагиса не допустил ни одной помарки. Улыбаясь, Акане покачала головой, Нагиса отложил карандаш и прищурившись рассматривал лицо собеседницы.

— Ты не шум, — заключил он. — Когда ты говоришь, я готов слушать даже учебник. У тебя голос правильной частоты, как музыка.

Акане хотела что-то ответить, но вместо этого покраснела, уткнулась в учебник и про-
бормотала:

— Следующая тема — логарифмы. Будет ещё скучнее, готовься.

— Я готов.

Она продолжала читать, Нагиса слушал, глядя то на страницу, то на озеро. Иногда его пальцы начинали беззвучно перебирать воображаемые клавиши, так формулы в голове парня превращались в ноты и вставали на положенные им места. «Ты тоже не шум, Нагиса», — подумала Акане, но вслух ничего не сказала.

Глава 7

Поверхность озера была гладкой, не было даже мелкой ряби, и закатный свет ложился на неё широкими оранжевыми полосами. Акане сидела на портфеле, скрестив ноги, и смотрела, как Нагиса дописывает последнюю задачу. Он быстро водил карандашом по бумаге, не останавливаясь.

— Всё, — он закрыл тетрадь, но Акане уже протянула руку.

— Дай проверю.

— Там всё правильно.

— Я хочу сама увидеть.

Он передал ей тетрадь, и она пробежала глазами по строчкам — ни одной ошибки, и почерк стал заметно ровнее.

— Ты пугаешь меня, робот. Мы прошли три четверти за две недели. Обычные люди так не могут.

— Значит, я не обычный.

— Да, я заметила.

Акане отложила учебник и потянулась, разминая затёкшую спину. Солнце опустилось, тени деревьев дотянулись до воды, и озеро из оранжевого сделалось густо-лиловым.

— Ладно, математика закончена. У нас есть ещё полчаса до темноты. — Она провела ладонью по обложке блокнота. — Давай поговорим о чувствах.

Нагиса продолжал смотреть на воду.

— Ты знаешь, что я не разбираюсь в этом.

— Знаю, поэтому и предлагаю.

Нагиса сидел, обхватив колени руками, и молча смотрел на озеро, на поверхности которого догорали последние отблески заката. Акане развернулась к нему лицом и спросила:

— Когда ты играешь, что происходит у тебя внутри?

— Я не знаю, как назвать это словами.

— Опиши, как умеешь, я постараюсь тебя понять.

Парень отозвался не сразу, тщательно подбирая слова, растерянно глядя в сторону темнеющей воды:

— Внутри меня всё время живёт тишина, но когда я начинаю играть, она становится гуще, как вода на большой глубине. Или, наоборот, озаряется таким ярким светом, что хочется зажмуриться. Так я чувствую музыку.

Акане раскрыла блокнот на чистой странице и вытащила из сумки линеры.

— Давай попробуем так: я говорю слово, а ты называешь цвет, который приходит тебе в голову.

— Ты предлагаешь поиграть в ассоциации?

— Почему нет? Начнём с простого: радость.

Нагиса опустил взгляд на свои руки и после короткой паузы ответил:

— Алый цвет.

— Почему именно алый?

— Когда я играю быстрый ритм, то часто думаю о закате. Закат длится всего одно мгновение, но он настолько яркий, что становится значимым.

Акане провела по бумаге длинную красную линию, которая протянулась от одного края страницы до другого.

— Хорошо, теперь спокойствие.

— Синий, как вода на глубине, куда не достаёт солнечный свет. Она стоит на месте, но это не смерть, это пауза.

Ниже легла плавная синяя линия, почти параллельная красной.

— Дальше: грусть.

— Серо-голубой, — сказал Нагиса и замолчал, обдумывая слова. — Как вода перед дождём. Я часто смотрю на озеро перед тем, как начинается дождь, и в такие минуты внутри всё затихает, но эта тишина давит на меня. Я не знал, что это называется грустью.

— А что ты думал раньше?

— Думал, что просто устал.

Акане провела ломаную линию с острыми углами, совсем не похожую на две предыдущие.

— Иногда грусть и правда бывает похожа на усталость. А иногда она похожа на мокрые осенние листья, или на старую фотографию, или на песню, которую ты слышал в детстве, а теперь нигде не можешь найти.

Нагиса поднял на неё глаза, и его взгляд задержался на лице Акане намного дольше, чем обычно.

— А ты? Что ты чувствуешь, когда рисуешь свои рисунки?

Пальцы Акане крепче сжали красный линер, она совсем не ожидала этого вопроса, но ответила сразу, как будто давно знала, что сказать:

— Я чувствую, что живу. Что всё, что накапливается внутри — вот здесь, — она прижала свободную ладонь к груди, — всё это настоящее, и оно выходит наружу через линии.

— Я вижу тебя через твои рисунки, — сказал Нагиса. — Они мне очень нравятся.

Акане отвела взгляд в сторону, быстро перевернула страницу и торопливо проговорила:

— Ладно, поехали дальше, пока солнце совсем не село. Страх.

— Белый, как клавиши, когда я вдруг путаю ноты.

— Злость.

— Чёрный, как тушь. Как твои линии, когда ты рисуешь очень быстро и сильно давишь на линер.

Она невольно хмыкнула и посмотрела на свою руку, в которой всё ещё держала линер.

— Ты правда замечаешь, с какой силой я давлю?

— По толщине линии всегда видно.

Акане нарисовала жирную, царапающую бумагу чёрную полосу, а потом, чуть помедлив, назвала последнее слово:

— Теперь самое сложное. Любовь.

Нагиса опустил взгляд в землю и замолчал надолго, а когда наконец заговорил, его голос прозвучал заметно тише, чем раньше:

— Я не знаю, какой цвет подходит для любви. В книгах пишут, что это тепло, или боль, или что от неё невозможно дышать. Но я всегда могу дышать, понимаешь?

Акане отложила линер на закрытый учебник, развернулась к нему всем телом и села, подобрав под себя ногу.

— Знаешь, иногда любовь — это когда ты сидишь у озера с кем-то и читаешь ему вслух учебник по математике, хотя давно мог бы пойти домой и рисовать. Но ты не идёшь. И не потому, что обещал, и не потому, что надо. А потому, что тебе не всё равно.

Нагиса посмотрел на неё и уже не отводил глаз.

— Мне не всё равно. Это любовь?

— Может быть.

Акане вырвала страницу с четырьмя цветными полосами из блокнота и протянула ему.

— Держи. Когда не понимаешь, что происходит внутри, посмотри на эти цвета. Может, какой-то из них покажется тебе подходящим.

Нагиса взял листок за края и долго его рассматривал.

— Это похоже на карту.

— Вроде того.

— Карта чувств.

— Можно и так назвать.

Он аккуратно сложил листок пополам, убрал в карман формы, а потом вдруг сказал, глядя на темнеющее озеро:

— Вчера я играл новую мелодию, после встречи с тобой. Она получилась разноцветной, там были алый, синий и серо-голубой, все три цвета смешались вместе.

Акане улыбнулась.

— Значит, ты уже умеешь чувствовать. Просто пока не знаешь, как это назвать.

— Ты научишь?

— Попробую. Но это будет сложнее, чем тригонометрия.

Солнце почти село, озеро из тёмно-синего становилось чёрным, развилка тонула в густых сумерках, и в окнах домов на обоих берегах уже зажёгся жёлтый свет.

— До завтра? — Нагиса поднялся на ноги и отряхнул брюки.

— До завтра.

Они разошлись по тропинкам в разные стороны. Пройдя несколько шагов, Акане обернулась через плечо и увидела, что Нагиса обернулся тоже — а ведь раньше он никогда не оборачивался.

— Что? — спросила она.

— Ничего. Я просто проверяю кое-что.

— Что именно ты проверяешь?

— Карту. Там, где стоишь ты, кажется, должен быть алый.

Он пошёл дальше по своей тропинке, не дожидаясь ответа, а Акане ещё долго стояла и смотрела ему вслед, пока его силуэт не растворился в сумерках. Дома она открыла блокнот и нарисовала изогнутую, будто танцующую, новую алую линию, а внизу подписала её одним словом: «Нагиса».

Глава 8

В начале октября классный руководитель объявил о выездной экскурсии в Киото. Выпускному классу выделили три дня с двумя ночлегами, пообещали поход в храмы, музеи и целый день на самостоятельную прогулку. Новость встретили восторженным гулом: половина класса обсуждала, кто с кем поселится в номере, остальные полезли в телефоны выяснять, чем интересен Киото помимо храмов. Акане отнеслась к поездке без восторга. Она не любила школьные мероприятия, где слишком много правил и шума, но когда Джунко прижала её к стенке в коридоре и заявила, что они с Шизукой уже договорились поселить её в один номер с ними, спорить не стала.

— Только попробуй отказаться, — Джунко размахивала перед её носом списком участников. — Обидимся до конца жизни.

— Ты каждую неделю на кого-то обижаешься до конца жизни.

— И этот метод работает.

Шизука, стоявшая рядом, прикрыла рот ладонью и тихо приснула. Акане вздохнула и вписала своё имя. Вечером того же дня она рассказала о поездке Нагисе. Они сидели на своём обычном месте у развилки, он молчал, и по тому, как спокойно и естественно ощущалось это молчание, Акане понимала, что его ничего не тревожит.

— Ты тоже едешь? — спросила она.

— Меня записала классный руководитель. Сказала, что для меня это обязательно.

— А сам бы поехал?

— Мне всё равно. На случай если там будет шумно, я взял с собой наушники.

Акане представила, как он сидит в толпе одноклассников, которые носятся по храмам, фотографируют всё подряд и орут друг другу через дорогу. Картина выходила до того нелепая, что она невольно хмыкнула.

— В Киото есть отличные места для рисования, — она провела пальцем по обложке блокнота. — Старые улочки, храмы, бамбуковая роща. Я буду рада туда попасть.

— Тогда тебе понравится поездка.

— Возможно.

Она не добавила, что теперь у неё появилась ещё одна причина дожидаться этой экскурсии. Автобус отъезжал от школьных ворот в семь утра. Акане, Джунко и Шизука заняли самый дальний ряд, подальше от учителей. Джунко тут же вытащила пакет со снеками и принялась раскладывать их на троих, а Шизука пристроила на коленях книгу и читала, пока автобус не тронулся с места.

Нагиса сидел впереди, наискосок от них. Акане заметила его, едва поднялась по ступенькам: сначала увидела выющиеся волосы, затем белые наушники на шее. Он смотрел в окно. Нагиса не заметил её, и Акане не стала его окликать. Впереди у них целых три дня, можно никуда не спешить.

Спустя четыре часа автобус въехал в Киото. За окнами потянулись узкие улочки, деревянные дома с тёмными балками, храмы с изогнутыми крышами. Акане прижалась лбом к холодному стеклу, а Джунко за её спиной жевала снеки и спорила с Шизукой, стоит ли идти в храм Киёмидзу или лучше сразу на рынок Нисики. Город разительно отличался от их посёлка у озера, но и от Токио, который девушка видела на фотографиях, тоже. В переулке мелькнула фигура старухи в кимоно, что несла ведро воды. В лавке на углу мужчина сворачивал шторы в рулон. Здесь каждый магазинчик, каждая улочка напрашивались быть зарисованными в блокноте.

В гостинице пахло старой древесиной и нагретыми татами. Половицы скрипели под каждым шагом, и Акане, ступая по коридору, подумала, что этот звук ещё долго будет звучать в

её памяти. Джунко полночи рассказывала байки про призраков, пока Шизука не накрылась подушкой и не взмолилась о пощаде. Акане лежала на своём футоне и разглядывала тёмный потолок. В соседнем крыле, может, тоже не спал сейчас Нагиса, сидел в темноте с наушниками на шее и слушал музыку.

С утра ученики отправились по храмам. Экскурсовод говорил про эпоху Хэйан, про императоров, про то, как монахи медитировали под водопадами. Акане слушала вполуха, а сама рисовала каменный фонарь с потрескавшимся верхом, узор на воротах, изогнутую крышу пагоды. Джунко таскала Шизуку от одной сувенирной лавки к другой, а Акане отставала, зарисовывала удачный вид и потом догоняла их у следующего храма. Нагису она заметила после обеда у пруда. Он стоял и разглядывал карпов. Акане подошла и молча встала рядом.

— Они почти не двигаются, — сказал он.

— Двигаются, просто медленно. Ты тоже тихий и смотришь в одну точку, как они.

— Это оскорбление? — спросил он, немного помолчав.

— Нет, мне нравится, как карпы спокойно плавают в воде.

Вечером после ужина учитель объявил свободное время. Джунко собрала всех в комбинии за мороженым, а Акане, сославшись на головную боль, выскользнула на улицу одна. Вдоль улицы, на которой стояла гостиница, тускло горели фонари. Акане шла мимо домов и замечала в некоторых открытые ставни, на одном из подоконников стоял горшок с хризантемой, а из приоткрытой двери пахло жареной лапшой. Проходя мимо неприметного переулочка, она увидела незакрытые ворота, а за ними маленький храм с одиноким деревом во дворе. В низких каменных фонарях горел огонь, но больше всего Акане удивилась Нагисе, сидящему на одной из скамеек возле храма.

— Я думала, ты в гостинице, — тихо, чтобы не спугнуть, сказала Акане, подходя ближе.

— Там слишком громко.

— Как ты вообще сюда попал?

— Шёл, искал место, где тише.

Она опустила на скамейку рядом с ним. Он не спросил, как она его нашла, продолжая молчать. Акане заметила, что он совсем не удивился этому. Будто знал, что она придёт. Девушка отвела взгляд от его лица и тоже молча посмотрела на фонарь. Масло в нём тихо потрескивало, тени от веток ползли по земле, словно змеи.

— Хочешь посмотреть, что я сегодня рисовала?

Он кивнул, взял у девушки блокнот и начал листать зарисовки карпов, фонарей, пагоды. Нагиса листал медленно, с особым вниманием разглядывая некоторые детали.

— Здесь ты правильно положила тень, сразу понятно, что свет идёт сверху.

— Ты разбираешься в тенях?

— Это простая логика. Если знать, откуда свет, легко понять, куда ляжет тень, и наоборот.

— Когда-нибудь ты станешь знаменитым, и у тебя спросят, в чём секрет твоей музыки, а ты ответишь, что в логике.

— Отличный ответ.

— Ужасный, но тебе подходит.

Нагиса отвернулся к фонарю и вдруг сказал:

— Когда я думаю о Токио, я представляю место, где ты рисуешь, а я сижу рядом. Мы должны найти такое для себя.

Акане кивнула.

— Обязательно найдём.

На следующий день ребята возвращались домой. Джунко проспала всю дорогу, уронив голову Шизуке на плечо, а Шизука спокойно читала книгу, изредка поправляя подругу, чтобы та окончательно не сползла. Акане смотрела в окно на проплывающие мимо холмы, думала о

храме, спрятанном в переулке. Вспоминала молчаливых карпов. Забавно, что самый важный разговор между ней и Нагисой случился там, где она даже не рассчитывала встретить парня.

В родной город вернулись вечером, на вокзале ребят уже ждал автобус, который развёз всех по домам. Акане вошла в прихожую и сбросила туфли, из кухни потянуло рыбой на гриле. Дома всё осталось по-прежнему, но сама Акане словно теперь была другой. Она достала из сумки блокнот, открыла чистую страницу и по памяти нарисовала каменный фонарь с настоящим огнём внутри, а рядом с ним, на скамейке, тень человека.

Глава 9

В середине сентября классный руководитель объявил о фестивале, класс Акане встретил эту новость шумно. Ежегодно во второй половине октября школа открывала двери для родителей и жителей городка, от каждого класса требовалось представить проект. Третьегодки обычно ставили кафе или выставку, но выпускники выбирали проекты посерьёзнее, потому что для них этот фестиваль был последним школьным. Танака, сидевший у окна, предложил комнату страха. Он помнил, как два года назад такая комната собрала самую длинную очередь, никому не хотелось спорить с парнем, который приводил аргументы. Джунко немедленно записалась главным организатором, раздала всем роли и первым делом назначила Акане ответственную за декорации. Никто не возражал, и Акане не стала спорить, потому что эта работа позволяла ей после уроков оставаться в пустом классе с кистями и тушью, пока остальные таскали старые парты и завешивали окна чёрной тканью.

Она расписывала стену под старую каменную кладку с пятнами плесени и трещинами, сквозь которые будто сочился тусклый свет. На входной арке изобразила мёртвые ветки, обвиняющие деревянные балки, и маски, какие обычно вешают в синтоистских храмах. Работала девушка быстро, на эскиз почти не смотрела, полностью погружаясь в творческий процесс. Шизука иногда подходила и молча ставила на край парты стаканчик с чаем, а Джунко носилась между группами, раздавала указания и успевала перекусывать на ходу. Из коридора сквозь стену доносились обрывки мелодий — школьный оркестр настраивал инструменты для концерта. Акане слышала этот шум каждый день, привыкла к нему и не отвлекалась от работы. За неделю до фестиваля она и Нагиса сидели у озера с учебником литературы. Акане пыталась объяснить Нагисе разницу между танка и хайку, но он смотрел не в книгу, а на воду. Потом сказал:

— Меня записали на концерт.

— И что будешь играть? — спросила Акане, не отрываясь от страницы.

— Сыграю своё про озеро. Я написал композицию месяц назад, она тихая.

Акане кивнула. Композиция ей нравилась, но для школьного концерта такая музыка не годилась: медленная, слишком глубокая, похожая на воду в безветренный вечер. В день фестиваля школьный двор заполнился палатками. Ученики жарили сосиски, торговали сладкой ватой, из динамиков играла бодрая музыка, и младшеклассники носились между рядами с бумажными фонариками в руках. Акане стояла у входа в комнату страха и смотрела на очередь. Первые посетители уже вышли: кто-то смеялся, девушки вцеплялись в руки друг друга, а одна девочка попросила пустить её ещё раз, потому что не успела рассмотреть призрака. Джунко, стоявшая рядом, удовлетворённо потёрла руки.

— Мертвяки не подведут.

— Это не мертвяки, а правильно выставленное освещение.

— Какая же ты зануда, Акане.

К обеду Акане сдала пост Шизуке и пошла в спортзал. Концерт уже начался, и свободных мест почти не осталось. Она пробралась к боковому ряду, села у стены и стала ждать очереди Нагисы. На сцене выступали младшие классы: пели хором, танцевали, потом парень с гитарой играл попурри из популярных песен. Зал хлопал, подпевал, свистел.

Нагиса поднялся на сцену без объявления, поправил стул, сел за пианино и положил пальцы на клавиши. Зал ещё шумел: переговаривались, шуршали пакетами, кто-то кашлял в заднем ряду. Он не стал дожидаться тишины и заиграл. Акане осмотрела зал, разговоры утихали медленно, зрители замолкали будто по очереди. Женщина в третьем ряду поправила воротник и замолчала. Мальчик с краю перестал болтать ногой. Никто не понимал, когда вступать с аплодисментами, потому что мелодия не делала очевидных пауз.

Нагиса закончил так же тихо, как начал. Последняя нота повисла в воздухе и растворилась в тишине. Он убрал руки с клавиш, встал и коротко поклонился. Ему хлопали жидко и неуверенно. Акане хлопала вместе со всеми и видела, как несколько человек уже поднимаются с мест, решив, что концерт окончен. Нагиса не различал таких вещей, и сейчас это оказалось кстати. Она нашла его за спортзалом, Нагиса стоял у стены и смотрел на небо.

— Ты хорошо сыграл.

— Они не поняли.

— Да. Но ты хорошо сыграл.

— Я знаю.

Они постояли молча. Небо над школьной крышей становилось тёмно-синим, Акане сказала:

— Пойдём к озеру, пока не стемнело. У нас ещё биология.

Нагиса кивнул и пошёл за ней. Раскрытый на схеме фотосинтеза учебник по биологии лежал на траве между ними. Нагиса разглядывал стрелки, по которым углекислый газ превращался в кислород.

— Свет, вода, воздух, — сказал он. — На входе одно, на выходе другое.

— С музыкой это можно связать?

— Ты о чём?

— Ты говорил, музыка как математика. А на фотосинтез она похожа?

Нагиса помолчал, пристальнее разглядывая схему, и ответил:

— Если какая-то музыка и фотосинтез, то очень медленная. Например, та, которую я играл сегодня.

Акане протяжно хмыкнула. В памяти ещё звучали сегодняшние голоса, но здесь, у воды, было спокойно и тихо. Фестиваль закончился, впереди у ребят были два месяца до экзаменов. Акане настойчиво подвинула учебник ближе к Нагисе так, чтобы свет от фонаря упал на страницу.

Глава 10

Сырой воздух коснулся лица, едва Акане вышла за ворота школы. С дальнего берега тянуло дымом, на противоположном берегу реки жители жгли листья. Акане поправила лямку портфеля и свернула на тропинку, что вела вдоль озера. По пятницам Нагиса оставался в музыкальном классе. Джунко и Шизука убежали в комбинизон сразу после звонка, даже не попрощавшись. Акане перепрыгивала редкие лужи и с досадой думала об отце. Неделью назад он перестал с ней разговаривать, одним днём не ответил на её «доброе утро», а потом и вовсе начал смотреть словно сквозь неё. Сперва его молчание зародилось в гостиной, потом переползло на кухню, поднялось по лестнице и загустело под дверью комнаты девушки.

Мать каждый вечер заходила пожелать спокойной ночи, садилась на край кровати, разглаживала складки на покрывале пальцами и говорила, что отец желает дочери добра и им обоим нужно искать компромисс. Акане кивала и отводила раздосадованный взгляд. Ночью девушка, лишённая сна, перебирала в голове одно и то же: как собирает чемодан, садится в поезд до Токио. Представляла студенческую комнату на четверых и работу после занятий. Она исчезнет для родителей навсегда.

Дед привычно сидел в беседке у бузудана, протирал свои таблички и задумчиво отводил взгляд в сторону озера. Иногда дед подзывал внука к себе, ничего не говорил, молча подолгу сидел рядом. Акане становилось спокойнее рядом с ним, и она ждала этих посиделок. В тот день девушка вернулась домой позже обычного. Они с Нагисой разбирали учебники в школьной библиотеке, решали проверочные тесты. Нагиса решил всё за полчаса и ждал молча, разглядывая что-то своё за окном, пока девушка его догоняла. Когда Акане вошла в прихожую, отец уже сидел за столом, сцепив руки перед собой, поджидая дочь.

— Сядь.

Акане села, на кухне мать стала переставлять посуду медленно и осторожно, стараясь не греметь.

— Я снова говорил с господином Танакой. Подашь документы сейчас, и к весне тебя зачислят на стажировку. Начнешь с административной должности, через год получишь помощника менеджера. Гарантированное успешное будущее.

— Я хочу поступать в Токийский университет искусств. Пап, мы это уже обсуждали.

Отец неожиданно для всех стукнул ладонью по столу. Мать охнула, выронив из рук какую-то посудину, которая теперь покатилась по полу.

— Рисование не профессия. Я двадцать лет в «Панасоник», и только поэтому у нас есть дом, еда, твоя учёба. А что будет у тебя? Голодные дети и съёмная квартира?

— Я не прошу у тебя денег. Если надо, пойду работать после занятий, но рисование я не брошу.

— Ты будешь учиться там, где я скажу. Я твой отец, и я знаю лучше, как тебе поступать.

Акане рывком поднялась, посмотрела на него секунду и стремительно вышла. Девушка нарочито тихо закрыла дверь в гостиную, поднялась к себе, заперлась в комнате и села на кровать. Плакать не осталось сил. Ей хотелось, чтобы отец хоть раз спросил, чего хочет она сама. Но такого ещё не было ни разу на её памяти. Она вытянула из-под подушки блокнот и начала рисовать. Резкими линиями она нарисовала чёрную тревожную поверхность озера, а перед ней мужскую фигуру, стоящую спиной к зрителю. Через час в комнату постучала мать. Вошла, привычно присела на край кровати.

— Ты должна понять отца, он переживает за тебя.

— Он хочет, чтобы я жила его жизнью, но у меня есть своя!

Мать вздохнула, поцеловала дочь и неуверенно вышла за дверь. Акане выглянула в окно, преодолела чёрную поверхность озера взглядом и обратила его на соседний берег. Там горел

крошечный огонёк в окне Нагисы. Акане представила, как он сидит сейчас за пианино или решает задачи по химии, и ей захотелось немедленно рассказать ему всё. Но сейчас сделать этого было невозможно, нужно ждать завтрашнего дня. Она уже собиралась лечь, когда в дверь снова постучали. Дед вошёл, оглядел рисунки на столе, задержался взглядом на фигуре у чёрной воды.

— Одевайся теплее, пойдём посидим в беседке.

Акане натянула свитер и спустилась в сад. Дед сидел на лавке, перед ним дымились две чашки с чаем. Девушка села рядом, запахнула свитер плотнее. С озера тянуло холодом, заставляя пламя в фонарях вздрагивать.

— Твой отец сегодня был груб, — начал дед.

— Я заметила.

— Не сомневаюсь. — Он взял чашку, подул и протянул её внучке. — Когда ему было восемь, он целыми днями рисовал паровозы. Здорово рисовал. Я тогда вкалывал на заводе, приходил уставший, что с ног валился, и меня трясло от одной мысли, что он тоже будет получать жалкие копейки за свой труд. Однажды я сказал: «Всё, хватит, лучше иди учи уроки, рисование это не профессия». Он поверил мне и с тех пор никогда не брал карандаш в руки.

Акане вспомнила старую коробку, что она однажды нашла в кладовке. Кривыми буквами сбоку было подписано: «школьное». Внутри лежали пожелтевшие тетрадки, а между ними нашёлся сложенный вдвое лист с рисунком паровоза. Она тогда подумала, что рисовал кто-то из одноклассников отца и просто подарил ему.

— Я только спустя годы понял, что натворил, — грустно сказал дед, прокручивая в пальцах пустую чашку. Благовония вяло дымились рядом с портретом бабушки, на который дед поднял взгляд. — Она меня тогда чуть чайником не огрела. «Ты что наделал?» А я стою как дурак.

Акане хотела что-то сказать, но дед покачал головой.

— Не надо, я и так всё знаю.

Они замолчали. Акане подняла голову к звёздам, что сегодня вдруг показались чуточку ближе, чем вчера.

— Я пойду в художественный, — сказала она.

— Знаю. Я с ним завтра поговорю. Не только ради тебя, мне свои ошибки исправить нужно, пока жив.

Дед встал, тяжело опираясь на скамейку. Акане мигом оказалась рядом и взяла его под локоть.

— Спасибо, дед.

— Пока не за что. Иди спать, детка.

Она проводила его до двери и вернулась в беседку. Забралась с ногами на лавку и разглядывала яркие звёзды. Теперь она видела в отце мальчика, который хотел рисовать паровозы, пока ему не запретили. Завтра всё наконец-то решится. Утром, когда Акане спустилась к завтраку, отец как обычно пил кофе и листал телефон. Мать разбивала яйца в миску на омлет, скорлупа хрустела под пальцами женщины. Дед сидел у окна и смотрел, как над озером поднимается туман. Акане заняла своё место за столом.

— Доброе утро.

Отец не ответил. Дед, не оборачиваясь, произнёс:

— Сегодня вечером, после ужина, поговорим все вместе.

Отец перестал листать телефон.

— О чём?

— О будущем твоей дочери.

— Там нечего обсуждать, всё уже решено.

Дед повернулся от окна и грозно посмотрел на сына.

— Нет, не решено.

Отец хотел что-то добавить, но, глядя на лицо деда, осёкся, коротко бросил «хорошо, вечером поговорим» и вышел из кухни. Когда Акане уходила в школу, дед перехватил её у двери и сунул в руки старую книгу в мягкой обложке.

— Это альбом твоей бабушки, возьми. Она тоже хорошо рисовала, думаю, талант вам с отцом передался от неё.

Акане прижала альбом к груди. На большой перемене она ушла в библиотеку, села в самый дальний угол и осторожно раскрыла его. От страниц пахло старой бумагой и сухими цветами, едва уловимый запах оставался на пальцах. Бабушка рисовала тушью и карандашом: вот храм с изогнутой крышей, ваза с одиноким цветком, озеро на закате. Под каждым рисунком стояла короткая подпись, у бабушки был быстрый летящий почерк. На последней странице Акане увидела портрет молодого мужчины с упрямым подбородком. Внизу бабушка подписала: «Мой инженер». Девушка закрыла альбом и бережно убрала в портфель.

Вечером вся семья собралась в гостиной. Отец сидел, сцепив руки, и смотрел на поверхность стола. Мать отложила передник на спинку стула и переводила встревоженный взгляд с одного мужчины на другого. Дед сел напротив отца и уверенно заговорил первым. Он рассказал всем историю про рисунки отца и про то, что сделал когда-то.

— Извиниться перед тобой надо было ещё сорок лет назад, но я упрямо молчал. А теперь смотрю, как ты с Акане то же самое делаешь, и снова молчать не могу. Я тогда наломал дров, и ты сейчас туда же лезешь.

— Папа, это другое, — начал отец и осёкся.

— Да какое другое? Всё то же самое. Она талантливая девочка, пусть идёт в художественный.

Отец молчал. Мать наконец выдернула нитку из подола и сказала, не поднимая глаз:

— Пусть попробует, вернуться назад всегда можно.

Отец медленно обвёл взглядом каждого, на пару секунд задержался на лице Акане, потом резко поднялся и вышел из комнаты. Входная дверь хлопнула за ним, дед подошёл к Акане и положил руку ей на плечо.

— Ну вот и сдвинулось всё с места. Может, оно и к лучшему.

Они ещё немного постояли в тишине, а потом разошлись по своим комнатам.

На следующий день, когда они сидели в библиотеке у окна, Акане рассказала обо всём Нагисе. За стеклом кружились первые снежинки. Девушка говорила сбивчиво, перескакивая с одного на другое. Когда она замолчала, Нагиса долго ничего не отвечал, продолжая наблюдать за снегом. Акане уже решила, что он анализирует информацию и сейчас выдаст какое-нибудь заключение, но Нагиса вдруг спросил:

— Мы теперь будем заниматься каждый день?

— В смысле?

— Ну, раньше ты говорила, что у меня тройки по всем предметам, кроме музыки. Если я собираюсь поступать, надо подтянуть всё остальное. Ты будешь меня учить?

Акане уставилась на него, а потом громко, на всю библиотеку, расхохоталась. Библиотекарша шикнула на неё из-за стеллажа.

— Я ему про семейный совет, про деда, про отца, который вышел и дверью хлопнул, а он про тройки.

— А что ты хотела услышать?

— Не знаю. «Ты справишься», «я в тебя верю». Ну, как в фильмах говорят.

Нагиса поморщился.

— Я не умею говорить как в фильмах. Я умею решать задачи, особенно если ты читаешь учебник вслух. Так мы будем заниматься каждый день или через день?

Акане вздохнула, потом улыбнулась и тоже посмотрела в окно. До экзаменов оставалось три месяца, и она с Нагисой точно справятся.

Глава 11

Акане проснулась раньше будильника. За окном едва начало светлеть, озеро с утра выглядело гладким и бесцветным, напоминало старую простыню. Девушка лежала, глядя в потолок, потом села, спустила ноги на холодный пол. Вчерашний вечер всё ещё крутился в голове: тихий голос деда, звук упавшей из пальцев матери посуды, окончательный хлопок входной двери.

Акане умылась ледяной водой, натянула школьную форму и спустилась вниз. Первое, что бросилось в глаза: в при

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.